

ность русского народа, его доброта, душевная простота, сострадание и бескорыстие и, вместе с тем, инертность, нелогичность и нерациональность поступков, поведение, оправданное чаще всего лишь интуицией, – все это делает русский народ самобытным,

уникальным. Основная задача русского народа сейчас и в будущем – возродит в себе все свои лучшие качества, сохранить их и передать следующим поколениям. Ведь именно за это радели великие русские мыслители всех времен.

Литература

1. Бердяев Н. Самопознание: опыт философской автобиографии. – М., 1991.
2. Бердяев Н. Смысл истории. – М., 1990.
3. Вышеславцев Б. Русский национальный характер // Вопросы философии – 1995 – №6.
4. Ильин И. Путь духовного обновления. Собр. соч.: В 10 т. Т. I. – М., 1993.
5. Карсавин Л. Философия истории. – СПб., 1993.
6. Компанеев В. Русская социально-философская проза 1970 – 80-х годов. Нравственный и психологический аспекты изображения человека – Саратов, 1994.
7. Лосский Н. Характер русского народа. В 2 кн. Кн. 1. – М., 1957.
8. Лосский Н. Характер русского народа. В 2 кн. Кн. 2. – М., 1990.
9. Трубецкой Н. Об истинном и ложном национализме // История. Культура. Язык. – М., 1995.
10. Федотов Г. Судьба и грехи России. В 2-х т. Т. 2. – СПб., 1992.
11. Федоров Н. Сочинения. – М., 1982.
12. Федоров Н. Философия общего дела. В 2 т. Т. 2. – М., 1906.

УДК 323.1 (470)

М. Е. Попов

КОНФЛИКТЫ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ПОСТТРАДИЦИОННОЙ РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Статья посвящена исследованию категориального статуса концепта «конфликты идентичностей» в аспекте философского исследования посттрадиционных трансформаций в современной России.

Ключевые слова: конфликты идентичностей, посттрадиционная Россия, посттрадиционные трансформации, культурные идентичности, традиционализация, модернизация.

M. E. Popov

IDENTITY-BASED CONFLICTS IN POST-TRADITIONAL RUSSIA: THEORETICAL ASPECTS

The article is devoted to the categorical status of the concept of «identity-based conflicts» in terms of philosophical examination of post-traditional transformations in contemporary Russia.

Key words: identity-based conflicts, post-traditional Russia, post-traditional transformations, cultural identities, traditionalization, modernization.

В посткоммунистической России радикальные вызовы социальной безопасности связаны с неустойчивыми, меняющимися коллективными идентичностями, что обусловлено посттрадиционными социо-

культурными трансформациями. В начале нового века актуализация гражданского самосознания и трансформация традиционалистских ценностей создают противоречивые образы идентичностей. Культурные

идентичности в России, с одной стороны, изменяют прежнее ценностно-мировоззренческое содержание, с другой – формируются через соотнесение с предыдущим культурно-антропологическим опытом в ситуации глубинного противостояния традиционализации и модернизации.

В постсоветские десятилетия этнорелигиозная традиционализация культурных идентичностей как реакция на кризис гражданского общества и уничтожение либеральной демократии выступает основным конфликтогенным фактором. В изменяющей традиционалистские векторы развития российской культуре идет поиск способов преодоления конфликтов, обусловленных социокультурными идентичностями, и формирования идентичности, обладающей высоким уровнем гражданской интеграции.

Советскость и постсоветские идентичности являются проявлением антропологической доминанты российской культуры – противоречивой, амбивалентной, неустойчивой, кризисной идентичности, выступающей главным источником современных конфликтов. Исследование конфликтов идентичностей связано с актуализацией проблем демократического развития в условиях традиционалистских рисков и вызовов общественной безопасности, обусловленных культурными трансформациями на региональном и общероссийском уровнях.

На протяжении двух последних десятилетий в отечественной и мировой науке значительное внимание уделяется изучению конфликтов идентичностей в различной терминологической постановке. В теоретических построениях, лежащих в основе данных исследований, авторы исходят из того, что конфликты идентичностей (identity-based conflicts) – это конфликты, источником которых выступает принадлежность к определенной социокультурной группе. По мнению В. А. Тишкова, факторы культурной идентичности и группового статуса являются фундаментальными в современных конфликтах: отказ в признании и дискриминация вызывают неизбежный и непреодолимый протест, по причине огромной

значимости социокультурной целостности конфликты идентичностей являются особенно трудными для переговоров и компромисса [16].

Впервые термин «конфликты идентичностей» появляется в работах Дж. Бертон и Дж. Ротмана в 1990-е годы. Дж. Бертон рассматривает коллективную идентичность как одну из базовых потребностей человека, при этом угроза культурной идентичности воспринимается группой как одна из основных угроз безопасности. Более того, Дж. Бертон в качестве ключевых выделяет две потребности: потребность в идентичности и потребность в безопасности. По мнению Дж. Ротмана, важнейшими атрибутами конфликтов идентичностей являются их иррациональность, глубокая субъективность и неуправляемость [6; 1; 2; 3].

В основании выделения конфликтов идентичностей в общей теории конфликта лежит концептуальное различие, проводимое теоретиками конфликта между теми феноменами, которые именуются «реалистическими» и «нереалистическими» конфликтами (Л. Козер), «рациональными» и «нерациональными» конфликтами (Т. Шеллинг), «деструктивным поведением» и «конфликтным поведением» (Й. Галтунг) [7; 8; 17]. Анализируя специфику и типы современных конфликтов идентичностей, Д. Хоровиц отмечает, что в глобальном мире в некоторых случаях культурные конфликты являются не биполярными, как между конфликтующими сторонами А и Б, а триполярными и мультиполярными [4].

Особое внимание к проблеме трансформации современных конфликтов уделяется в исследованиях Д. Зенгхааса, К. Райманн, Д. Смита в коллективном труде «Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергхофского центра», где факторы идентичности интерпретируются как фундаментальные конфликтогенные детерминанты [17]. М. Игнатъевф называет коллективные идентичности основным источником интолерантности в современной культуре: идентичности формируются на основе «отталкивания» от «иного»,

и чем ближе «иное», тем сильнее интолерантность, тем конфликтнее отношения, тем враждебнее настроена одна группа по отношению к другой, ибо «не те общие элементы, которые объединяют людей друг с другом, определяют их восприятие своей идентичности, но именно те маргинальные «меньшие» различия, которые их разделяют» [5].

Э. А. Паин и А. А. Попов выделяют в типологии современных конфликтов наряду с конфликтами идей и действий «конфликты стереотипов»; А.В. Дмитриев различает «конфликты неуправляемых эмоций, проявляющиеся в конфликтах-бунтах или погромах», а также «конфликты идеологических доктрин, которые связаны с политическими, национальными, религиозными движениями и имеют более или менее давние исторические корни» [11; 12; 13]; в классификации конфликтов Л. И. Никовская и Е. И. Степанов исходят из того, что «многие этнонациональные конфликты можно назвать ложными», поскольку они порождают «ложные образы и иррациональные фобии, агрессивность и дегуманизацию оппонентов» [10; 14; 15].

Конфликты идентичностей представляют собой социокультурные конфликты посттрадиционности, фундаментом которых являются ценностно-мировоззренческие различия и противоречия, обусловленные кризисами и трансформациями культурных идентичностей; эти конфликты детерминированы дихотомией традиционалистских и посттрадиционных ценностных систем и являются атрибутивной частью рефлексивно-модернизационных процессов в российской культуре. Понятие «конфликты идентичностей» отражает системный характер ценностно-мировоззренческих противоречий как модернизационных рисков глобального мира: интеракция и сближение ранее «чужих» культурных общностей и их идентичностей является неисчерпаемым источником интеграции и конфликтов. Посттрадиционные социокультурные трансформации как основания конфликтов идентичностей связаны с рефлексивной (рационально-секулярной) модернизацией, которая делает

русскую культуру децентрированной и в этом аспекте постметафизической, постнациональной, посттрадиционной.

Посттрадиционные трансформации как основания конфликтов идентичностей изменяют ранее гомогенное ценностно-мировоззренческое содержание и традиционалистский статус коллективных идентичностей в иерархической оппозиции «мы – они» посредством универсализации интеграционно-гражданских ценностей. Изменения в иерархии традиционалистских ценностей и посттрадиционный призыв к интеграции и унификации культурных идентичностей в процессе модернизации и глобализации становятся факторами традиционалистского сопротивления. Существование в посттрадиционной русской культуре разных мировоззрений и ценностей не приводит к неизбежным конфликтам идентичностей, формируя предпосылки к культурному диалогу и гражданской интеграции; однако когда модернизационные риски и ценностные противоречия в процессе унификации и стирания культурных различий воспринимаются как угрозы безопасности и автономности традиционалистских идентичностей – возникают конфликты идентичностей.

Лежащая в основании социокультурных конфликтов амбивалентность антропологических моделей коллективных идентичностей в русской культуре характеризуется противоречием, с одной стороны, традиционалистской (изоляционистской) модели, с другой – посттрадиционной (интеграционной) модели на основе гражданской идентичности и рационально-секулярных ценностей. Конфликтность традиционалистских идентичностей обусловлена конструированием жестких культурных границ: идентичность как коллективное тождество (позитивные автостереотипы) формируется посредством конфронтации и отталкивания от культурной идентичности «чужих» (негативные гетеростереотипы). В культурно-антропологической модели посттрадиционной идентичности обнаруживается возможность интеграции на основе межэтническо-

го сотрудничества и надэтнического диалога, согласования общих целей и ценностей, установления оптимальных связей между автономными социокультурными общностями и их идентичностями. Имеющие исторические корни противоречия между модернизационным потенциалом гражданской интеграции и слабой восприимчивостью носителей традиционалистских идентичностей к демократизации и культурному диалогу являются основанием конфликтов идентичностей в посттрадиционной России.

Т. Р. Гарр в предисловии к русскому изданию работы «Почему люди бунтуют» обращает внимание читателей на фундаментальные вопросы, касающиеся «причин народного недовольства»: «Начинайте с исследования групповых идентичностей людей, оказавшихся в невыгодном положении, включая бедняков и представителей этнических, национальных и религиозных меньшинств... Задайтесь вопросом, почему групповые идентичности и невыгоды сделали их членов восприимчивыми к различного рода политическим призывам и идеологиям, которые оправдывают протест или мятеж. ...Ищите свидетельства международных факторов – транснациональных движений, идеологий, примеры успешных политических акций, которые воздействуют на групповые обиды, мобилизацию и выбор среди различных стратегий политического действия. Анализируйте международные процессы и давления, которые оказывают влияние на те способы, какими правительства отвечают на политические акции своих оппонентов» [8].

Непрекращающаяся в России традиционалистская мобилизация этничности и этнорелигиозности как реакция на утрату «советского интернационализма», с одной стороны, и политические попытки формирования интегрированной в глобальную цивилизацию посттрадиционной идентичности – с другой, выступает в качестве ценностно-мировоззренческого основания конфликтов идентичностей. По мнению В. А. Тишкова, «по причине огромной значимости групповой целостности и статуса

этнополитические конфликты являются особенно трудными для переговоров и компромисса. Это особенно верно, когда участники конфликта основывают свои аргументы и моральный фасад на факте или на мифе «избранной коллективной травмы», будь это депортация, оккупация, «народоубийство» или «голодомор». Случаев коллективной травмы, в которых страдало групповое достоинство людей, советская история знала очень много. ...Имеются достаточные доказательства того, что... недовольства имели под собой историческую основу, как, например, в столь многочисленных случаях в истории СССР. Однако исследования демонстрируют, что недовольства должны быть мобилизованы и инструментализованы для реализации политических целей. Поэтому невозможно достигнуть понимания эскалации конфликтов путем лишь анализа самих недовольств. Крайне важно также рассмотреть стратегии и контрстратегии мобилизации, применяемые государствами, для того, чтобы идентифицировать точки входа для конструктивной деэскалации и примирения. В этих конфликтах обе стороны взывали к настроениям людей, это были призывы либо к «национальному освобождению» и «самоопределению» со стороны восставших, либо к «национальной безопасности», «суверенитету», «территориальной целостности» со стороны существующих государств. Зачастую данные ссылки были облечены в форму чего-то святого, не подлежащего обсуждению или компромиссу» [16].

При внешней модернизационной ориентации (консервативная модернизация) традиционализм советскости (а затем и постсоветской идентичности) как идеологизированной культурно-антропологической модели надэтнической идентичности заключался в доминировании авторитарно-патерналистских ориентаций, сакрализации власти и идеологии, инструментальной «интернационализации» при отсутствии демократических ценностей консолидированного гражданского общества с устойчивыми неформальными связями между автономными социокультурными общно-

стями и коллективными идентичностями. Противоречивость советской идентичности отражает традиционалистскую амбивалентность российского общественного сознания в абсолютизации «крайностей»: бинарные оппозиции «противоборство – единение», «традиция – обновление» составляют онтологический фундамент и базовые антропологические свойства отечественной культуры, обусловившие специфику постсоветских конфликтов идентичностей. Социокультурное содержание постсоветских конфликтов идентичностей заключается в глубинном культурно-мировоззренческом противоречии между модернизационным конструированием российской гражданской идентичности, с одной стороны, и мобилизацией этнического и религиозного традиционализма – с другой. Конфликты идентичностей в трансформирующейся российской культуре характеризуются помимо острого противоречия традиционализации и модернизации также отсутствием культурного метанарратива, интегрирующего традицию и инновацию в структурное единство. Пространство формирования гражданской идентичности оказывается конфликтогенным: совокупность интересов и ценностей социокультурных общностей «институционализируется» в форме противоборствующих стереотипов, генерирующих конфликты идентичностей и разрушающих системную целостность российской культуры.

В модернизирующейся на основе посттрадиционных ценностей России сохраняются традиционалистские черты символической советскости (авторитарные ориентации) и политизированной этничности (культурный партикуляризм), вызывая конфликты идентичностей и указывая на продолжающийся кризис в конструировании

безопасного гражданского проекта идентичности. Преодоление затяжных конфликтов идентичностей и формирование системы общественной безопасности возможны при условии целенаправленного конструирования и трансляции интеграционной гражданской идентичности. Формирование культурного метанарратива – интеграционной гражданской идентичности – необходимое условие рефлексивной (инновационной) модернизации посткоммунистической России, завершающей конфликтогенные традиционалистские проекты советскости и этнорелигиозного возрождения.

В посттрадиционной России формирование интеграционной гражданской идентичности, консолидирующей свободное гражданское общество и формирующей устойчивые социокультурные связи между автономными общностями и группами, имеет безусловное значение для преодоления конфликтов идентичностей. Интеграционная идентичность создает условия для редукции трудноразрешимых «нереалистических» конфликтов идентичностей и их трансформации в управляемые «реалистические» конфликты интересов. В процессе трансляции интеграционной гражданской идентичности может значительно снизиться уровень ценностного противостояния носителей различных идентичностей на региональном и общегосударственном уровне. Вероятность преодоления конфликтов идентичностей в посттрадиционной России зависит от добровольно принятой и осознанной гражданской позиции, причём значимым оказывается не только правовой статус человека, но и способность к социокультурной интеграции на основе гражданского сотрудничества и культурного диалога.

Литература

1. Burton J. (ed.). *Conflict: Human Needs Theory*. – London, 1990.
2. Burton J. *Conflict Resolution: Its Language and Processes*. – London, 1996.
3. Burton J., Dukes F. (eds.). *Conflict: Readings in Management and Resolution*. – London, 1990.
4. Horowitz D. *Conciliatory Institutions and Constitutional Process in Post-Conflict States* // *William and Mary Law Review*. – 2008. – Vol. 49.
5. Ignatieff M. *Nationalism and Toleration* // *The Politics of Toleration*. – Edinburgh, 1999.

6. Rothman J. *Resolving Identity-Based Conflicts*. – San Francisco, 1997.
7. Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь, 2001.
8. Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. – СПб., 2005.
9. Козер Л. Функции социального конфликта. – М., 2000.
10. Никовская Л.И., Степанов Е.И. Формирование конфликтологии этнонациональных отношений // Конфликты в современной России: Проблемы анализа и регулирования. – М., 1999.
11. Паин Э.А. Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. – М., 2004.
12. Паин Э.А. Этнополитический маятник. – М., 2004.
13. Паин Э.А., Попов А.А. Межнациональные конфликты в СССР // Советская этнография. – 1990. – № 1.
14. Степанов Е.И. Отечественная конфликтология: современное состояние и задачи // Современная конфликтология в контексте культуры мира. – М., 2001.
15. Степанов Е.И. Теоретико-методологические проблемы изучения глобализации и регионализации как конфликтных факторов современной трансформации российского общества // Социальные конфликты в контексте процессов глобализации и регионализации. – М., 2005.
16. Тишков В.А. Конфликт в сложных обществах. Введение к русскому изданию // Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергхофского центра. – М., 2007.
17. Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергхофского центра. – М., 2007.